

А. А. БЛОК

Педант о поэте*

* Н. Котляревский. М. Ю. Лермонтов: Личность поэта и его произведения. Второе издание. 1905.

Лермонтов -- писатель, которому не посчастливилось ни в количестве монографий, ни в истинной любви потомства: исследователи немножко дичатся Лермонтова, он многим не по зубам; для "большой публики" Лермонтов долгое время был (отчасти и есть) только крутящим усы армейским слагателем страстных романсов. "Свинец в груди и жажда мести" принимались как девиз плохенького бретерства и "армейщины" дурного тона. На это есть свои глубокие причины, и одна из них в том, что Лермонтов, рассматриваемый сквозь известные очки, *почти весь* может быть понят *именно так*, не иначе. С этой точки зрения Лермонтов подобен гадательной книге или упоению карточной игры; он может быть принят как праздное, убивающее душу "суеверие" или такой же праздный и засасывающий, как "среда", "большой шлем".

Только литература последних лет многими потоками своими стремится опять к Лермонтову как к источнику; его чтут и порывисто, и горячо, и безмолвно, и трепетно. На звуки Лермонтова откликалась самая "ночная" душа русской поэзии -- Тютчев, откликалась как-то глухо, томимая тем же бессмертием, причастностью к той же тайне. Ей эти звуки были "страшны, как память *детских лет*", как "страшны песни про *родимый хаос*". "Пушкин и Лермонтов" -- слышим мы все сознательней, а прежде повторялось то же, но бессознательно: "если не Лермонтов, то Пушкин" -- и обратно. Два магических слова -- "собственные имена" русской истории и народа русского -- становятся лозунгами двух станов русской литературы, русской мистической действительности. Прислушиваясь к боевым словам этих двух, все еще враждебных станов, мы все яснее слышим, что дело идет о чем-то больше жизни и смерти -- о космосе и хаосе, о поселении вечно радостной Гармонии (супруги Кадмоса -- Космоса, основателя городов) на месте пустынном, окаянном и хладном, -- ее, этого вечного образа лермонтовской любви.

Чем реже на устах, -- тем чаще в душе; Лермонтов и Пушкин -- образы "предустановленные", загадка русской жизни и литературы. Достоевский провещал о Пушкине -- и смолкнувшие слова его покоятся в душе. О Лермонтове еще почти *нет слов* -- молчание и молчание. Тут возможны два пути: путь творческой критики, подобной критике г. Мережковского, или путь беспощадного анатомического рассечения -- метод, которого держатся хирурги: они *не вправе* в минуту операции помыслить о чем-либо, кроме разложенного перед ними болящего тела.

Этот последний метод кладется в основу всех литературных "исследований"; он называется "литературно-историческим" и состоит в строжайшем наблюдении мельчайших фактов, в исследовании кропотливом, которое было бы *преступно перед жизнью*, если бы не единственно оно устанавливало голую, фактическую, на первый взгляд ничего не говорящую, но *необходимую* правду.

Перед исследователем, пользующимся таким методом, закрыты *все* перспективы прекрасного, его влечет к себе мертвый скелет; но этот скелет обещает в будущем одеться плотью и кровью. Такова и непривлекательная, "черная" работа каменщика, строящего низенький фундамент под дворец царей или под сокровищницу народного искусства.

Почвы для исследования Лермонтова нет -- биография нищенская. Остается "провидеть" Лермонтова. Но еще лик его темен, отдален и жуток. Хочется бесконечного *беспристрастия*, пусть умных и тонких, но бесплотных догадок, чтобы не "потревожить милый прах". Когда роют клад, прежде разбирают смысл *шифра*, который укажет место клада, потом "семь раз отмеривают" -- и уже зато раз навсегда безошибочно "отрезают" кусок земли, в которой покоится клад. Лермонтовский клад стоит упорных трудов.

"Автор настоящей книги, -- читаем мы в предисловии профессора Котляревского, -- не имел в виду дать всестороннюю оценку творчества Лермонтова (еще бы!); он сосредоточил свое внимание лишь на той руководящей мысли, на которой покоились все думы поэта, и на том господствующем чувстве, из которого вытекало его неизменно грустное настроение" (стр. 2).

Это уже расхолаживает: неужели найдены "руководящая мысль" и "господствующее чувство" -- то, о чем так страшно еще мечтать?

Перед нами открывается длинный ряд однообразных рассуждений, напоминающих по тону учителя русской словесности в старшем классе гимназии, к тому же скорее женской. Читаешь и изумляешься -- откуда эти рассуждения в наше время, когда все "плоскости" начинают холмиться, когда